

THE GHOST OF BOSTON

FERDINANDO FREGA

ПРИЗРАК БОСТОНА

THE SYSTEM · 12

Когда говоришь о последних двух годах своей жизни, ты не просто прослеживаешь начало и конец. Ты описываешь точку перелома, откуда нет возврата, — есть только судьба, очень похожая на мою.

Это стало почти мантрой. Стоило кому-нибудь задуматься, кто ты такой, ответ приходил сам собой — знакомый многим, но по-настоящему понятый лишь немногими.

Быть всего лишь тем, чьего существования никто не ждёт, — и всё же вот он ты. И имя у нас одно и то же.

Первым настоящим свидетелем этого существования стала моя дочь Джорджа, двадцати трёх лет, живущая с частичным параличом нижних конечностей — подарком с рождения, причиной которого стали затянувшиеся роды и, возможно, недостаток внимания.

Её гнев стал для меня вызовом — тот самый гнев, который я когда-то оставил на могиле матери, а потом снова нашёл в ней. Она не упускала случая бросить мне вызов, сойтись со мной лоб в лоб, высказать всё, что раздражало её в моём поведении. Её вырастила мать, женщина простая и образованная, — с тем дополнительным осложнением, что у неё был университетский диплом и она безупречно вписывалась в общепринятые рамки общества.

Такова была их нормальность. Именно её я всегда откладывал в сторону и исключал из собственной жизни.

Спорить с двумя женщинами моей семьи не имело смысла. Я никогда не смог бы победить. Не потому, что они были правы, а из-за характера. Я всегда любил проигрывать. Они этого так и не узнали.

Это было душной августовской ночью. Ужин я пропустил — ещё один способ доказать себе, что я властвую и над близостью, и над едой, — когда меня разбудил резкий звук.

Я подумал, что это собака, мой американский лабрадор, — единственный логичный источник такого звука. Но я ошибался.

Дойдя до столовой, я увидел его: он сидел в красном кресле со своей полуулыбкой.

Я его знал.

Это был Призрак Бостона.

Он поприветствовал меня через всю комнату, как старый друг, и тут же пожаловался, что ему пришлось добираться до саудовской Калабрии. Сорок пять градусов по Цельсию — это было чересчур даже для него, а то, что пришлось покинуть прохладные берега Мэна, настроения ему не прибавило.

Он напомнил мне о трёх рассказах, которые я опубликовал в разделе фэнтези на Gillettenarrative. По его словам, «Хиромантка» позабавила многих его коллег, и некоторые из них гадали, когда всё это произошло.

Писать продолжение мне не хотелось, поэтому, успокоив его, я спросил, что привело его в мой дом.

«Я пришёл по другому поводу», — ответил он.

По своей природе эта встреча не была ни духовной, ни магической, ни эзотерической, ни издательской, ни литературной, ни финансовой. Никаких договорённостей ни с кем из P&G у него не было. Он просто хотел рассказать мне мою собственную историю, объяснить, кто я такой, и открыть ту часть меня, которой я не знал.

Я ясно дал понять: если разговор примет антропологический, генеалогический или гинекологический оборот, я не заплачу ни цента. Ни на что не подпишусь. Мне не нужно знать, принадлежу ли я к знатной касте или к какому-нибудь древнему роду.

Быть тем, кем я уже был, казалось мне достаточным.

«Твой предок был грузином, — сказал он. — Народ, который издавна живёт в напряжённых отношениях с русскими. Серьёзные, точные люди. Не поджигатели войны. Просто жизнелюбы».

«ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ, — ответил я. — Вот теперь история становится интересной».

«Ты и правда великолепный сукин сын, Bladefrega, — сказал призрак. — Часть того, что ты написал о своих корнях, — правда. Тот же инстинкт, что всегда тобой движет. Но сейчас я расскажу тебе то, чего ты никогда не смог бы написать, потому что этого не знал».

Он указал на второе красное кресло.

«Садись. Здесь нет никакой гадалки. Мы одни. Давай как следует посмотрим друг на друга и поймём друг друга чуть лучше».

Ferdinando Frega
Gillette Man ✂